

А.П. Огурцов

Интерсубъективность как проблема философии науки*

Цель данной статьи состоит в том, чтобы продемонстрировать не только значимость этой категории для философии науки, но и в том, чтобы показать ее эвристическое значение для анализа социальной нагруженности научных инноваций, для уяснения движения когнитивных феноменов науки от индивидуальных концептов, обладающих авторской интенцией и в лучшем случае интерсубъективностью до превращения их в научное понятие, приобретшего объективность и ставшего компонентом научной теории. Тем самым интерсубъективность инновационных когнитивных феноменов занимает срединное место между индивидуальным концептом и объективным научным понятием, выявляя способ «бытования» инноваций в научном сообществе и пути социализации и социального признания научной инновации.

Преамбула. Категория «интерсубъективность» возникла и стала значимой именно в философии XX в., как ни странно, в альтернативных философских концепциях – в аналитической философии Р.Карнапа и в феноменологии Э.Гуссерля. Историко-философский анализ этой категории философского дискурса «интерсубъективность» опубликован¹. Эти две статьи были нацелены не только на историко-философский анализ генезиса и развертывания этого понятия в философской мысли XX в., но

* Исследование проводилось в рамках исследовательского проекта по гранту РГНФ № 06-03-00306а.

и на то, чтобы уяснить, что же заставило двух столь по-разному мыслящих философов обратиться к этой категории. Ясно, что они, осознав ограниченность и недостаточность интеллектуальных ресурсов прежних философских построений, вынуждены были предложить новое концептуальное средство – ввести категорию «интерсубъективность». Введение этой категории в методологию науки Р.Карнапом и в феноменологический анализ сознания Э.Гуссерлем обусловлено, конечно, проблемами развертывания их философских построений. Так, для Карнапа категория «интерсубъективность» была тем интеллектуальным ресурсом, который был бы гарантом общепризнанности физикалистского языка как протокольного, эмпирического языка науки. Для Гуссерля же категория «интерсубъективность» была путем перехода от Эгологии к трансцендентальной монадологии, от картезианского субъективизма к новому варианту социально-коммуникативной онтологии, репрезентируемой в феноменологическом анализе языкового сообщения. Иными словами, и для того, и для другого мыслителя речь идет о проблемах философии языка – у Карнапа об аналитике пропозиционального языка как протокольного языка науки, у Гуссерля – о метафизике коммуникационного со-бытия (Mitsein) как новой онтологии. Интерсубъективность оказывается способом преодоления картезианства, а сфера интерсубъективности, складывающаяся между субъектами – монадами предстает как первичная (или примордиальная, как сказал бы Гуссерль) сфера. Отметим, что поиски этими философами новых интеллектуальных средств были параллельны тем исканиям, которые характерны, например, для диалогической философии М.Бубера, обратившегося к сфере «Между» («Zwischen») участниками диалога, между Я и Ты².

Обычно связывают генезис этого понятия с именем Э.Гуссерля, с его феноменологическим анализом восприятия своего Я, своего тела и аналогического представления о теле и о сознании Другого. Этот предрассудок живуч до сих пор³. На деле же оно было выдвинуто Р.Карнапом именно в связи с разработкой аналитической философии науки. Не приемля метафизики, он вынужден был обратиться к понятиям, далеко не однозначным и сугубо метафизическим для того, чтобы представить свою программу физикалистского языка как эмпирического, протокольного языка науки.

Сразу же подчеркнем, что речь не идет о возвращении к физикалистски трактуемому протокольному эмпирическому языку науки, трактуемому либо в духе Р.Карнапа, либо О.Нейрата⁴. Речь не идет и о возвращении к интересубъективистски трактуемому «жизненному миру» Гуссерля, который связывал кризис европейской науки с отчуждением ее от «жизненного мира» европейцев. В противовес крайне узкой трактовки интересубъективности Карнапом и в противовес провозглашенной Гуссерлем «жизненно-мирской онтологии» в данной статье идет речь об осмыслении науки в социально-коммуникативном контексте, о понимании когнитивных феноменов науки в их единстве с социальным существованием научного знания.

О.Нейрату принадлежит многозначительная метафора в анализе науки. Хотя она обрела широкую известность и стала широко использоваться – от К.Поппера до Р.Рорти, я ее напомним: *«Мы подобны морякам, которым нужно переделать свой корабль в открытом море и которые не имеют возможности поставить его в док, чтобы использовать для этой цели новые лучшие материалы. Лишь от метафизики можно полностью избавиться. Расплывчатые комья (Ballungen) все еще остаются какими-то частями судна»*⁵. Действительно, наука вынуждена постоянно перестраивать себя в ходе своего движения. Если продолжить это сравнение О.Нейрата, то надо сказать, что парадоксальность перестройки науки XX в. состоит в том, что из парусного брига наука превращается в судно на воздушной подушке, причем не заходя в док. Я говорю о науке как о судне на воздушной подушке, имея в виду не только то, что она использует новые технические средства и новые методы, но и то, что наука отрывается от своего эмпирического базиса: корабль научных теорий XX в. как бы парит в невесомости, над поверхностью воды – над своим эмпирическим базисом⁶. Наука, конечно, стремится к увеличению точности и строгости используемых понятий. Можно согласиться с Нейратом в том, что развитие науки – движение, усиливающее точность, обоснованность и строгость научного знания. Но нельзя согласиться с его мнением о том, что надо избавиться от метафизики. Это сделать невозможно. Ведь метафизика задает проект перестройки корабля, определяет пути его осуществления, ищет и находит концептуальные средства для его перестройки. Без метафизики бриг невозможно перестроить даже в доке.

Неоправданные отождествления интерсубъективности с объективностью и интертекстуальностью

Для того, чтобы осмыслить интерсубъективность научных инноваций, необходимо прежде всего освободить ее понимание от неверных и неоправданных отождествлений. Понятие «интерсубъективность» принадлежит к тому избыточному тезаурусу, который был предложен в философии XX в. и который оказался действенным в философии и социологии науки, социологии, педагогике и других гуманитарных науках. В чем же его содержание? Обычно это понятие связывают с такими свойствами опыта различных субъектов, которые говорят о независимости этого опыта и его характеристик (например, языковых выражений) от личностных особенностей и обстоятельств⁷. Обратим внимание на то, что интерсубъективность при таком подходе отождествляется с объективностью. Именно объективность (например, мира) независима от личности и от конкретных ситуаций (хотя далеко не во всем). То, что интерсубъективность не тождественна объективности и, соответственно, независимости опыта различных субъектов от самого субъекта и ситуаций, по моему, очевидно. Когда говорят об интерсубъективности, говорят об опыте различных *субъектов*, находящихся в *ситуации общения, взаимной коммуникации*. И вырвать интерсубъективность из контекста взаимоинтенциональной соотнесенности субъектов опыта, из ситуации диалога, коммуникации, общения – это означает подменить интерсубъективность объективностью, понятой сугубо натуралистически. В отличие от объективности интерсубъективность отнюдь не претендует на универсальность и общезначимость. Она всегда связана с микросообществом, с *признанием* не всем сообществом, а лишь его части, нередко малой части и лишь позднее (нередко гораздо позднее) это признание становится универсальным и интерсубъективность приобретает характеристики общезначимости. Интерсубъективность – это поле взаимодействия субъектов действия – акторов. В случае диалога этих акторов лишь двое, но в случае полилога участников коммуникации (коммуникантов) большое число. В этом поле взаимодействия происходит нейтрализация личностных установок, убеждений, предубеждений, предпочтений и т.д. В ходе экстерииоризации личностных установок, предпочтений, вкуса, убеждений

происходит не только вынесение во вне субъективных образов и установок, но и достижение консенсуса между участниками коммуникации. Благодаря этому согласию достигается как десубъективация личностной позиции, так и новый статус согласованных убеждений, которые невозможно редуцировать к позиции одной из сторон. Согласованные убеждения обретают статус не проекции убеждений одной из сторон коммуникации, а проекции убеждений двух личностей – взаимоинтенциональных убеждений, не отдающих предпочтения убеждениям ни одной из сторон. Значение взаимосогласованных убеждений определено обстоятельствами коммуникации. Оно укоренено в той значимости, которую имеет коммуникация между личностями, в том согласованном убеждении, которое оказывается совместным. Это, конечно, относится к отношениям равноправных партнеров коммуникации, но отнюдь не к асимметричной коммуникации (например, коммуникации между врачом и пациентом, между учителем и учеником).

От интересубъективности до объективности – один шаг, но этот шаг нередко длится годами и десятилетиями. И основная трудность в этом переходе от интересубъективных представлений, понятий, концепций, моделей к объективности заключается в *наделении их статусом существования*, в нахождении того объективного феномена или процесса, который окажется репрезентантом интересубъективных конструкций человеческого ума. А сколько таких конструкций – конструкций умных и притязавших на объективность – остались в архиве истории науки! Классическая наука далеко не всем конструкциям ума и моделям приписывала статус существования, хотя надо сказать, что ее исходная посылка состояла в том, чтобы приписать самой природе тот язык, на котором говорили ученые того или иного времени. Так, для Г.Галилея природа говорила на языке математики, а именно геометрии. Для Р.Бойля природа говорила на языке химических свойств. О.Френель, выдвинув принцип простоты в качестве теоретико-методологического принципа, сразу же превратил его в характеристику самой природы⁸. Надо иметь громадное исследовательское мужество для того, чтобы не объективировать свои концептуальные конструкции в самую природу, чтобы оставаться в лоне интересубъективных конструкций мышления и подчеркивать методологическую природу своих концептуальных средств. Но человеческое сознание устроено так,

что оно тяготеет к натурализации своих концептуальных средств, превращая их из непостижимо эффективных средств в сам исследуемый объект и наделяя тем самым статусом существования концептуальные средства: слово как единица языка коммуникации отождествляется с вещью, концепция – с предметной областью, метод – с принципами построения исследуемой реальности. В этом исток тех натуралистических ошибок, о которых писал О. Куайн⁹. Но человеческое мышление невозможно избавить от этих ошибок, ибо в этих ошибках его сила. Если бы человеческое сознание было бы способно избежать натуралистических ловушек, было бы свободно от них, то оно было бы замкнуто в безвоздушном пространстве мысли, не испытывавшей силы тяготения реальности. Итак, первое неоправданное, но весьма распространенное отождествление – отождествление интерсубъективности с объективностью.

Второе отождествление, которое играет большую роль скорее в гуманитарном знании, чем в естественнонаучном, – отождествление интерсубъективности с интертекстуальностью. Термин «интертекстуальность» был предложен Юлией Кристевой в статье «Бахтин, слово, диалог и роман», опубликованной в журнале «Critique» в 1967 г. (t. 23, № 239, pp. 438–465)¹⁰. Интертекстуальность, призванная у Кристевой заместить интерсубъективность, означает, что диалогизм ограничивается ею сугубо литературной сферой, и более того, романом как жанром литературы. Тем самым культура, наука, искусство были осмыслены исключительно как производство знаков, как семиотические формы деятельности. Все оказывается знаковыми системами или текстами. Подобная универсализация семиотического подхода ко всем произведениям человеческого сознания замыкает его исключительно в сфере знаков, лишенных своих референтов. Культура предстает как гипертекст, как интертекст. В ней не следует искать какое-либо «предметное содержание», отнесенность к каким-либо референтам, денотатам и тем более объективной реальности. Производство текстов анонимно и бессознательно¹¹. Из этого и вытекали трактовка текста как автономной знаковой системы, не обладающей референциальной функцией, понимание автора как простой безличной функции письма, а его произведения как бесконечной игры цитат, как общего поля анонимных формул, обрывков культурных кодов, ритмических идиом, фигур речи и т. д. При таком понимании интертекстуальности исчезает не только

авторская интенция, субъективное видение автора, своеобразие стиля и т.д., но и само произведение культуры¹². Итак, отождествление интерсубъективности с интертекстуальностью влечет за собой 1) лишение всех знаково-символических систем какой-либо соотнесенности с их референтами; 2) рассмотрение произведений культуры, науки, искусства исключительно как текстов; 3) интерпретацию культуры как универсума текстов, в котором можно выделить интертекст, прототекст, предтекст и т.д.; 4) трактовка автора произведения как пустого пространства интертекстуальной языковой игры, как безличной функции порождения нового текста из уже существующих (в этом суть идей М.Фуко о «смерти субъекта» и Р.Барта о смерти автора); 5) взаимоотношения между автором, текстом и читателем мыслятся как бесконечное поле для «языковых игр», в том числе игры письма.

Можно ли с такого рода структуралистских позиций подходить к научному знанию? Можно ли на этой базе построить структуралистскую философию науки? Конечно, можно. Но следует осознавать, какие следствия проистекают из этого подхода. Прежде всего научное знание трактуется как знаково-символическая система, не имеющая никакого отношения ни к денотатам, ни к референтам. Какую-то часть научного знания, конечно, можно представить в такой форме, а именно научную теорию, оторванную от своего эмпирического базиса. Подобно кораблю, связанному якорями с морским дном, научное знание так же связано с некоей почвой – со своим эмпирическим базисом. Для социогуманитарного знания такой почвой являются исторические источники, археологические артефакты, результаты социальных опросов, данные статистики и т.д. Без них социально-гуманитарное знание окажется в ситуации невесомости. Оно окажется целиком и полностью социально конструируемым и подвластным тем идолам, которые мечтал элиминировать еще Ф.Бэкон. Для естественнонаучного знания такой почвой являются данные опыта и эксперимента. Без них наука окажется судном на воздушной подушке, когда каждая научная теория конструирует свой эмпирический базис и несоизмерима с другой¹³. Категория «интертекстуальность» гораздо более существенна для литературоведения и историографии науки, в которых важным является сравнительный анализ текстов, текстологические методы, выявление скрытых и явных цитаций, сносок, заимствований, полемики, плагиата и пр.

Необходимо освободить интерсубъективность от отождествления с коллективностью, с солидарным целым, которое обладает статусом реального существования. Такого рода отождествление характерно, например, для русской религиозной философии, поставившей в центр своих размышлений идею «соборности», «соборной коллективности» (Л.П.Карсавин) и для французского социологизма школы Э.Дюркгейма (С.Московичи и др.), для которой социальность – это коллективность, социальный факт, институция. Иными словами, нужно избавиться от отождествления интерсубъективности с внесоциальной интертекстуальностью (Ю.Кристева) и от социологического отождествления социальных коммуникаций с социологическими коллективами и институциями (Э.Дюркгейм). Различие в трактовке понятия интерсубъективность можно увидеть при анализе различий в понимании диалогизма М.М.Бахтина со стороны Ю.Кристевой и Ц.Тодорова: для первой диалогизм Бахтина – это анализ диалогической интертекстуальности внутри одного какого-то текста, например, романа, для другого диалогизм Бахтина – это выражение социологического подхода к произведениям литературы, отождествляемой не с коллективностью, а с интерсубъективностью. Хотя Тодоров и предупреждает, что нельзя подменять интерсубъективность социальностью как таковой, коллективностью, солидарным целым, но все же у него сохраняется такого рода мотивы, когда он говорит о социальности (прежде всего языка) как основании и горизонте смыслопорождения в ситуации коммуникации «я-другой», предполагающей общность (*la communauté*).

Если попытаться определить, что же такое интерсубъективность, то надо отметить, что с помощью этой категории фиксируется *общность* установок, позиций, ориентаций взаимодействующих субъектов, которая достигается либо с помощью *консенсуса* между ними, либо посредством *нейтрализации, вытеснения, подавления* ряда индивидуально-субъективных характеристик сознания коммуницирующих субъектов (их оценок, предпочтений, предубеждений и т.п.) во имя достижения согласия, взаимопонимания и, наконец, осуществления диалога. Интерсубъективность связана со взаимной общностью позиций, установок, ориентаций коммуницирующих субъектов. Интерсубъективность занимает срединное положение в континууме установок и позиций – между индивидуальной субъективностью и надличностной объек-

тивностью. Осмысление научной деятельности и ее результатов в рамках этой категории позволяет навести мосты между эпистемологией, социальной психологией и психологией творчества, найти категориальные средства, которые позволили бы объединить когнитивные феномены и социальные характеристики научно-исследовательской деятельности. Поиск способов их объединения составляет одну из важных черт философии науки XX в., что нашло свое выражение в идеях Л.Флека о коррелятивности стилей научного мышления с научными коллективами, в выдвижении Т.Куном понятия парадигмы, т.е. научной теории, взятой в качестве образца решения задач, которая оказывается сопряженной с дисциплинарным научным сообществом, а позднее – с микросообществом (научной группой и др.), в развитии социологии знания и социологии науки, в повороте теории познания к социальной эпистемологии. Однако социологический подход ограничивается фиксацией интересубъективности социальных форм научного познания, оставляя за пределами своего анализа психологию научного творчества, хотя Куна незаслуженно и обвиняли в психологизме. Интересубъективность в рамках этих версий социологического подхода к научному знанию, в том числе и в социологии знания и социологии науки, трактуется как некое солидарное целое, как некая коллективность, обладающая *sui generis* автономностью и самостоятельным бытием, в то время как интересубъективность, предполагая взаимную общность установок и способов решения научных задач, коренится все же не в социальности как таковой, а в социально-психологических моментах, достигаемых с помощью консенсуса или с помощью вытеснения индивидуальных предпочтений со стороны участников коммуникации. Интересубъективность – феномен социальной психологии, фиксирующей и анализирующей межличностные феномены, возникающие в ходе коммуникаций. В ней находит свою почву социальность. В ней она коренится. Из нее она может только и возникнуть, черпать свои ресурсы, возможности, перспективы своего развития. Без нее социальность превращается в надличностную, трансцендентную «соборную коллективность». Интересубъективность позволяет осмыслить взаимопереходы между индивидуальным творчеством и надличностной, социальной общепризнанностью результатов творчества.

Если попытаться кратко определить, что же такое интерсубъективность, то надо отметить, что она противостоит, с одной стороны, интенциональным авторским когнитивным инновациям, а, с другой стороны, объективности научных понятий. Исходной является авторская инновация, в которой объективируются все способности ученого (его восприятия, представления, интуиции, воображение, ум во всех ипостасях – от интеллекта до разума) и которая превращается в надличностное, объективно истинное образование, признаваемое научным сообществом. Итак, интерсубъективность с точки зрения генезиса когнитивных феноменов фиксирует их особенности со стороны субъективной, логической формы, подчеркивая зависимость опыта, профессионального языка, состава тезауруса и его применения от лиц, обстоятельств и ситуаций. Интерсубъективность – это сфера «между», порожденная взаимодействием ученых, не совпадающая ни с интенцией индивидуальных инноваций, ни с объективностью. Лишь в ходе «вымывания» субъектных характеристик научных инноваций, построения идеальных объектов, предлагаемых концептов и концепций интерсубъективность замещается объективным содержанием научных понятий и теорий, приобретших статус общеобязательных и общепризнанных построений.

Примечания

- ¹ Огурцов А.П. Интерсубъективность как поле философского исследования // *Личность. Культура. Общество*. М., 2007. Т. IX. Вып. 1(34). С. 58–70 и М., 2007. Т. IX. Вып. 2 (36). С. 79–100.
- ² См. об этом: *Неретина С.С., Огурцов А.П.* *Время культуры*. СПб., 2000. С. 231–246.
- ³ Он нашел свое выражение в статье К.Хелда (K.Held) «Интерсубъективность» в «Историческом словаре философии» (Historisches Woerterbuch der Philosophie. Hrsg. J.Ritter, K.Gruender. Bd. 4: I-K. Basel-Stuttgart, 1976. S. 521) и в статьях отечественных авторов, например, В.Калиниченко в словаре «Современная западная философия». (М., 1998. С. 170).
- ⁴ О различии в их понимании протокольного языка науки см.: *Огурцов А.П.* *Физикалистская программа Венского кружка* // *Личность. Культура. Общество*. М., 2008. Т. X. Вып. 1 (40).
- ⁵ *Нейрат О.* Протокольные предложения // *Erkenntnis*. М., 2007. С. 311–312.
- ⁶ А.Н.Павленко, анализируя инфляционную теорию, выдвинутую А.Линде, обратил внимание на один существенный недостаток с точки зрения стан-

- дартов научной рациональности – на отсутствие ее весомого эмпирического обоснования, хотя она обладает рядом теоретических достоинств. Павленко связал этот недостаток со «стадией эмпирической невесомости теории» и ad hoc гипотезами (Павленко А.Н. «Стадия эмпирической невесомости теории» и ad hoc аргументация // *Философия науки*. Вып. 4. М., 1998. С. 108–118). Мне думается, что эмпирическая невесомость теорий не просто недостаток, а когнитивная особенность ряда теорий, обладающих преимуществами по сравнению с другими теориями и высоко эффективным математическим аппаратом, который возмещает этот недостаток. Таковы особенности не только современных космологических теорий, но и теории суперструн, когда не достигается «определение спектра колебаний струн с точностью, достаточной для сравнения с экспериментальными данными» (Грин Б. Элегантная Вселенная. Суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории. М., 2007. С. 103). Оценивая современную ситуацию, он пишет: «Наше поколение физиков и, возможно, несколько следующих посвятят свою жизнь исследованиям и разработкам в области теории струн, не имея совершенно никакой обратной связи с экспериментом. Немалое число физиков, которые по всему миру ведут энергичные исследования в области теории струн, знают, что они идут на риск: усилия всей их жизни могут не принести окончательно подтверждения теории» (Там же. С. 153–154).
- 7 В.Калиниченко в статье в «Новой философской энциклопедии» (Т. II. М., 2001. С. 135) определяет интересубъективность как «свойство опыта о мире различных субъектов, связанное с объективностью, независимостью этого опыта от личностных особенностей и ситуаций». А.Ивин, вычлняя интересубъективность языка, обстоятельств, знания, подтверждения, определяет интересубъективность как «независимость употребления и понимания языковых выражений от лиц и обстоятельств» (Ивин А. Интересубъективность // *Философия: Энцикл. словарь*. М., 2004. С. 327–328).
- 8 О.Френель, назвав принцип простоты «общим принципом философии физических наук», ищет онтологическое его обоснование в самой природе, о чем свидетельствует эпиграф к его основной работе «О свете»: «Природа проста и плодотворна» (Френель О. Избр. тр. по оптике. М., 1955. С. 141).
- 9 Куайн У.В. Две догмы эмпиризма // *Куайн У.В. Слово и объект*. М., 2000. С. 342–368.
- 10 Ю.Кристева писала: «Бахтинский “диалогизм” выявляет в письме не только субъективное. Но и коммуникативное, а лучше сказать, интертекстовое начало» (Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // *Диалог*. Карнавал. Хронотоп. Витебск, 1994. № 4. С. 8). Связывая интертекстуальность с социальным, политическим, философским разрывом между полифоническим и монологическими жанрами романа, она усматривает в интертекстуальности, или межтекстовом диалоге, особенность полифонического романа. Называя интертекстуальность вариантом диалогизма Бахтина, Кристева интерпретирует Бахтина как последователя лингвистического структурализма, для которого «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это вписывание и трансформация какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия

- интерсубъективности* встает понятие *интертекстуальности*) (Кристева Ю. Избр. тр.: Разрушение поэтики. М., 2004. С. 167). Интертекстуальность как диахроническая трансформация романа позволяет рассматривать его как диалог нескольких текстов. В отличие от Кристевой Ц.Тодоров, характеризуя интертекстуальное измерение высказывания у М.М.Бахтина, делает акцент на социальности, которая является основанием и горизонтом ситуации смыслопорождения в системе «я-другой». Коммуникация предполагает интерсубъективность, которая оказывается основанием для субъективности. В этом и заключается, по его мнению, марксистская неортодоксальность М.Бахтина (*Todorov Tz. Mikhail Bakhtine: Le principe dialogique: ecrits du cercle de Bakhtine. P., 1981*).
- 11 «Мы назовем ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬЮ эту текстуальную интер-акцию, которая происходит внутри отдельного текста. Для познающего субъекта интертекстуальность – это понятие, которое будет признаком того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее» (*Kristeva J. La revolution du langage poetique: L'avant-garde a la fin du XIXe siècle: Lautreamont et Mallarme. P., 1974. P. 443*).
- 12 Как заметил М.Бютор, «не существует индивидуального произведения. Произведение индивида представляет собой своего рода узелок, который образуется внутри культурной ткани и в лоне которой он чувствует себя не просто погруженным, но именно появившимся в нем. Индивид по своему происхождению – всего лишь элемент этой культурной ткани. Точно так же и его произведение – это всегда коллективное произведение. Вот почему я интересуюсь проблемой цитации» (Цит. по кн.: *Ильин И. Постмодернизм. Словарь терминов. М., 2001. С. 105*). Не напоминает ли подобная трактовка производства культуры и ее творцов столь известное нам марксистское понимание человека как «ансамбля» общественных отношений, а его деятельности как соотношения систем производства, обмена и распределения? Структуралистский подход к культуре оказывается созвучным марксистской политэкономии, стремившейся элиминировать из анализа производства любые антропологические, психологические и вообще креативные моменты с тем, чтобы понять его как безличное соотношение социальных подсистем.
- 13 На фоне безудержного когнитивного релятивизма и социального конструктивизма в наши дни формируется новая парадигма в философии науки, в которой провозглашается необходимость возвращения к объекту и объективизму (см. статьи Б.Латура «Когда вещи дают отпор» и «Об интеробъективности» в сборнике «Социология вещей». М., 2006). Она далека как от натурализма, так и от социального конструктивизма, стремясь возродить соотнесенность знания с объектами, утраченную в последние десятилетия XX в.